

ФИЛОСОФИЯ В КОНТЕКСТЕ БИОПОЛИТИКИ

Круглый стол в рамках проекта РФФИ «Политизация и деполитизация философии в контексте биополитики: сравнительный анализ полемических дискурсов» (проект № 19-011-00826)¹

Преамбула

DOI: 10.32691/2410-0935-2020-15-262-294

Биополитика... Давно ли философы о ней заговорили? А она уже – контекст. Стало быть, нечто объемлющее, и даже всеобъемлющее. Всеобъемлющее – это то, что обуславливает нас, то, из чего мы понимаем всё, что понимаем и чего не понимаем, но можем понять; и лишь всеобъемлющее как такое – как всеобщий контекст нашего понимания – всегда остаётся за пределами понимания. И всё же, заговорив о биополитике, дав ей имя, мы оттяпали от всеобщего непознаваемого кусочек, что-то в нём поняли, и значит, не так уж тотально принадлежим этой самой биополитике, главное орудие которой – скрытость.

Как гегелевское «здравомыслие», которое распространяется тихо, «как зараза», она тоже незаметно подбирается к старому божеству (либерально-демократическим ценностям), чтобы однажды «толкнуть локтем товарища, и ... трах-тарарах, идол повержен». Кто нынче не бросит камень в буржуазную демократию, эту юридическую маску «общества спектакля»? Во Франции, к примеру, 14 Июля ежегодно отмечается массовыми беспорядками. А мы, конечно, «не хотим, как во Франции». Может быть, мы хотим «как в Китае и Иране» (Bonjour, mrs Badiou, Foucault...)? Может быть, мы хотим, как у нас?

Биополитический дискурс – разоблачительный. Он срывает маски. На фасаде общества написано «Демократия», а на поверку выходит чёрт знает, что. Разоблачение потому и нужно, что биополитическая «зараза» (в обоих смыслах – и реальной биополитики и разоблачительного о ней дискурса) уже распространилась и овладела массами. Как реальная политика биополитика осуществляется в виде правительственных мероприятий, нацеленных на рост благосостояния населения – главного ресурса благосостояния нации, где под нацией подразумевается национальное государство, вполне могущее быть интернациональным. В качестве разоблачительного дискурса она показывает, как в результате распространения правительственной заботы, в том числе и на «биологическое» в человеке, рассматриваемом как единица населения, формируется управленческая матрица, в которой гражданину ни охнуть, ни вздохнуть ... вне предусмотренных той же матрицей способов сделать это.

Тем не менее, разоблачительные речи о биополитике звучат по-разному и получают разный смысл в зависимости от того, кем и в оглядке на какое общество они произносятся. Левым западным интеллектуалам, а они в большинстве левые, естественно критиковать собственное общество потрепле-

¹ 25 сентября 2020 г. работающий над проектом исследовательский коллектив Санкт-Петербургского государственного университета провёл круглый стол по теме гранта. Материалы стола предложил опубликовать принявший в нём участие главный редактор альманаха «Человек-RU» С. А. Смирнов.

ния с разных позиций, в основном, марксистских и неомарксистских. Про ревизионизм, главное пугало и враг марксизма советского, уже не вспоминают. Марксизм не догма... А потому разброс мнений и позиций очень широк. Естественно эта критика ровно в той мере, в какой естественно западному интеллектуалу быть несогласным; либерализм есть защищённое законом право на несогласие с политикой властей и выражение этого несогласия, и это – идеология. То же Взятие Бастилии в качестве национального праздника воплощает национальный миф: сокрушение деспотизма. Выход на улицы с поджогами, мародёрством и даже стрельбой некоторым образом этот миф поддерживает и питает. Биополитика биополитикой, а вера в демократические институты, которые пока что функционируют, похоже, неизбывна. Вспомним 68-й год и посмотрим, кем стали лидеры бунтарей? И представим себе, что было бы с Фуко, будь он иранцем? Ведь даже с Красными бригадами и террористами группы Баадер-Майнхоф обошлись по-человечески, т. е. наиболее эффективно.

По-иному биополитический дискурс звучит на постсоветском пространстве. Здесь биополитика была не классической «мягкой» формой добровольного закабаления, существующей в рамках либерализма (принцип минимизации управления: управлять, не управляя), но прямой дисциплинарной мерой правительств, проводилась не исподволь, а пропагандистски шумно и напрямую. Непродолжительный опыт демократии и последовавшее закручивание гаек дало нам опыт взрослости и трезвость взгляда, которые, казалось бы, должны остеречь нас от воодушевления красивыми концептами, мало сцепляющимися с родимой почвой, где забота о благосостоянии населения всегда была вписана в глобальный контекст очередного проекта «спасения человечества».

А. Г. Погоняйло

Вопросы, вынесенные на обсуждение на круглом столе

1. Биополитика в современных философских полемических дискурсах: концептуальное ядро и множественные модели.
2. Конкретные формы биополитики.
3. Научно-технический прогресс как средство биополитики.
4. Политизация и деполитизация философии в полемических дискурсах о биополитике.

Участники круглого стола

Галлямов Роман Ильмирович, магистр, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии.

Коротков Дмитрий Михайлович, кандидат философских наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии.

Погоняйло Александр Григорьевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии.

Попов Данил Сергеевич, магистр, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии.

Смирнов Сергей Алевтинович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, главный редактор гуманитарного альманаха «Человек.RU».

Сомин Игорь Дмитриевич, магистр, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии.

Сулимов Александр Валерьевич, магистр, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет Свободных искусств и Наук.

Фролов Александр Андреевич, магистр, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии.

Цыпина Лада Витальевна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии.

Ответы участников круглого стола

Галлямов Роман Ильмирович

Магистр, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии.

E-mail: gallyamovri@gmail.com

1. Многие современные исследователи, приступая к анализу биополитики как концепта, характеризующего положение современного общества, констатируют непопулярность этой идеи во время её вхождения в поле политического и философского дискурса в 70-80 гг. прошлого столетия. Это обстоятельство, а также тот факт, что сегодня концепт биополитики стал одной из самых значимых философско-политических идей, говорят о том, что интеллектуалы времён зарождения биополитики оказались не готовы к революционному изменению в понимании политической власти, несмотря на предшествующие работы М. Хайдеггера и Х. Арендт.

Как же можно охарактеризовать биополитику? Для начала сразу же стоит отметить, что этот введённый Фуко концепт очень скоро утратил свою однозначность. Достаточно скоро появились другие исследователи, которые, принимая общую установку французского мыслителя, приходили к иным выводам, привнося в поле дискурса другие модели биополитического устройства управления. Процесс усугублялся ещё и тем, что сам Фуко предпочёл не ставить точку в разработке собственного концепта, всё время оставляя для себя возможность вернуться к этой идее. Поэтому в современных полемических дискурсах следует рассматривать биополитику не как некий глобальный концепт, а как представления о биополитике М. Фуко, Дж. Агамбена, А. Негри и М. Хардта и других. Однако смысловое ядро концепта, как правило, остаётся единым, и оно отражено в самом его названии: управление жизнью. Это словосочетание приводит к целому ряду следствий, которые более или менее артикулированно можно обнаружить в большинстве попыток осмысления биополитики.

Во-первых, управление жизнью означает внимание к такому фундаментальному свойству человека, как его жизнь, которая отличается тем, что никак не идентифицирует его, не ставит его выше или ниже других, но просто указывает на факт его существования как подвижного тела. Во-вторых, отсюда следует, что для управления жизнью нет никакой необходимости обращаться

к идее индивидуальности каждого человека, к неповторимости его мышления и характера, гораздо продуктивнее манипулировать не группой индивидов, а скоплением тел, подчиняющихся законам биологии и социальной физики. Отсюда, в свою очередь, следует, и третий пункт, согласно которому манипуляция жизнью человека в рамках биополитики происходит иначе, чем в рамках других политических систем: вместо того, чтобы контролировать поведение отдельных индивидов, биополитика манипулирует желанием целых пластов населения, в результате чего человек начинает чувствовать определённый дискомфорт в условиях ограничения индивидуальности.

Однако, как уже было сказано, это лишь ядро биополитики, и в современном политическом дискурсе мы встречаем различные и весьма разнообразные её модели. Например, положение о расхождении понимания биополитики между М. Фуко и Дж. Агамбенom: первый говорит о ней как о стадии развития отношений управленчества (правительности, гвернаментальности), второй, опираясь на другие основания, приходит к выводу, что любое государственное управление по сути своей биополитично. Далее, для М. Фуко оказывается важной идея о переходе от империалистической формы государственности к республиканской модели управления как условия возникновения биополитики.

Однако, такие современные авторы, как А. Негри и М. Хардт приходят к мысли, что биополитика в современном обществе указывает на глобальную транснациональную империю, которая имеет перед собой определённую цель. Наконец, сама жизнь, как объект управления в рамках биополитики, оказывается теснейшим образом связана со смертью, которая для одних авторов выступает как способность деполитизации жизни (самоубийство как способ взять свою жизнь под собственный контроль), для других лишь как иное состояние жизни человека («мусульманин» у Дж. Агамбена). Отсюда вытекают различные вариации танатополитики и некрополитики.

2. В современном обществе не составляет никакого труда обнаружить различные формы биополитики. Главная трудность, если можно это так назвать, состоит в том, чтобы определиться с тем, как мы понимаем биополитику. Конечно, стоит иметь в виду тот сдвиг в понимании власти, который наметил в своём анализе М. Фуко. Сдвиг этот заключается в том, чтобы вопрос о власти отсылал не к субъекту власти, а к определённым практикам. В таком случае, совершенно справедливой оказывается критика В. Л. Каплуна, указывающего на то, что отечественные интерпретации фукианского анализа феномена власти безосновательно связывают её, власть, с государственностью, что в корне противоречит позиции французского мыслителя.

Если учесть этот сдвиг, то биовласть окажется не только и не столько политическим феноменом, сколько феноменом социальным. До сих пор животрепещущими являются такие печально известные примеры проявления биополитического управления как фашистские концлагеря и советский ГУЛАГ. Отличительной чертой этих примеров является их политический статус: в отличие от тюрем, которые всегда включены в социальное пространство, как и другие институты дисциплинарной власти, о которых писал М. Фуко, концлагеря и ГУЛАГ являются примером исключаящего включения, о котором пишет Дж. Агамбен, поскольку в них как в порождениях той самой ситуации чрезвычайного положения человек является чистейшим проявлением «голой

жизни», его жизнь представляет не большую ценность, чем его смерть, а его индивидуальность оказывается ничего не значащей фикцией.

Эти примеры остаются предметом анализа в современном дискурсе, однако и в современности можно найти немало примеров биополитики. В своих статьях Д. В. Попов обращает внимание на другие проявления биополитических стратегий, придерживаясь их условного разделения на негантиропные (человеко-отрицающие) и конфирмантропные (человеко-утверждающие). К первым относятся различные примеры африканских постколониальных стран, в которых политический кризис привёл к расслоению населения на неравные по правам группы, одни из которых фактически являются рабами для других, тех, кто решает вопросы их жизни и смерти (впрочем, это касается всех рабовладельческих общественных устройств). Отечественный исследователь также приводит в пример положение некоторых стран Южной и Центральной Америк, в которых многие годы идёт война между преступными группировками и правительством. Автор отмечает, что тех, кто не вписывается в эту борьбу, нельзя назвать свободными людьми, поскольку их жизнь и смерть находятся вне их власти.

Из этих примеров мы видим, что сдвиг, который наметил в своих исследованиях М. Фуко, занимает важное место в современных исследованиях, биополитика не всегда понимается через государственную власть, но, тем не менее, именно государство представляет собой самый сложный механизм биополитического управления.

3. Науки и технологии всегда являлись основанием для биополитического способа управления обществом. Особенно ярко эта идея выражается в анализе М. Фуко, поскольку для него управление жизнью становится возможным лишь как применение знания о том, что такое жизнь и как ей управлять. Именно поэтому, как следует из его статьи «Что такое просвещение?», знание, то есть отношение человека к вещам, представляет собой одну из осей, вокруг которых развиваются общественно-политические отношения. Если говорить более конкретно, то в истории Европы мы можем без труда определить момент, когда науки о жизни (не только биология, но и медицина, гигиена, урбанистика и пр.) стали вмешиваться в дела управления городом, а позже – государством. Это нередко становилось предметом анализа у самого М. Фуко. Позже к этим наукам о жизни присоединилась экономика как наука, диктующая законы развития государства, поскольку его главной целью становится обогащение и достаток. Мыслитель замечает, что именно в Новое время, после того, как наука доказала свою полезность в борьбе с распространением чумы и других болезней, а также стала необходимой для развития государства, другими словами, когда для научного знания отводится особое место в государственной структуре, биополитика становится возможной. Однако, вскоре научное знание становится политизированным, науки развиваются так, как это необходимо для целей биополитики, появляются новые области научного знания, нацеленные на достижение знания о населении, о том, как управлять им и его желаниями. Среди таких областей выделяется статистика как наука, регистрирующая количественные показатели жизни населения, однако, высшей точкой политизированного знания становится появление такой науки как

Polizeiwissenschaft – теории правильного управления государства и приведения его населения и жителей к счастью.

Примерно в это же время происходят значительные изменения в науках, которые напрямую с науками о жизни не связаны. Рубеж XIX-XX вв. ознаменовался рядом открытий, которые перевернули представления не только о самом научном знании, но и о роли учёного в науке, что привело к тому, что принцип объективности позиции ученого оказался в конфликте с его нравственными ценностями, с его взглядами, привычками, установками в научном познании. Стал очевидным тот факт, что учёный – в первую очередь человек, а значит, и он может стать очередной шестерёнкой в биополитическом управлении. Однако, его роль могла оказаться куда существеннее, чем роль рабочего или политика, поскольку учёный является производителем знания, а значит и практик управления жизнями людей. Наука, таким образом, оказалась политизированной. Об этом в полной мере свидетельствуют антропогенные и техногенные катастрофы XX в. Причастна ли к этому процессу биополитика? Биополитика – своего рода гигантский механизм, в котором все составляющие должны работать без перебоев и задержек. И если хоть в какой-то степени верно утверждение, что биополитика – это новая форма тоталитаризма, то в той же степени можно утверждать, что задача такого устройства – максимальная рационализация общественного пространства. Политизированное научное знание, в таком случае, выступает в роли инструмента рационализации.

4. Биополитика ставит перед обществом проблему политизации большинства областей общественной жизни. В первую очередь, конечно же, политизируется сама жизнь, она становится объектом политики, более того, становится её инструментом. Выше упоминалось, что некоторые авторы полагают акт самоубийства в качестве акта деполитизации жизни, возвращения жизни самому себе. Но можно ли считать такой акт действительно актом деполитизации? Ведь кроме той парадоксальности, которая заключается в том, что субъект возвращает себе свою жизнь лишь в тот момент, когда лишается её, сложно абстрагироваться от мысли, что именно в этот момент субъект лишь помещает свою жизнь в иное политическое поле. Конечно же, это не биополитика, но и свободой это назвать сложно. Возникает вопрос: что означает деполитизация – освобождение от политики или выход к иной политической реальности?

Такой же вопрос М. Фуко обращает к знанию и интеллектуалам как производителям этого знания. Оказавшись в ситуации политизации, интеллектуалы, и только они, имеют возможность деполитизации, более того, лишь они способны возглавить борьбу с установленным режимом, который навязан политизированным знанием. Фигура интеллектуала оказалась бы значимой, революционной, однако, отмечает мыслитель, речь всё равно не может идти о том, чтобы полностью отказаться от политической власти. Такая идея – химера, поскольку само знание и есть власть. Однако, деполитизирующая задача интеллектуала состоит в том, чтобы попытаться выйти за рамки установленного режима, найти альтернативы, найти ответ на вопрос о возможности новой политики истины, отличной от той, в которой мы находимся здесь и сейчас. Это и есть философская позиция интеллектуала, и философия, в данном случае, выступает синонимом деполитизации.

Коротков Дмитрий Михайлович

Старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии.

E-mail: d.korotkov@spbu.ru

1. Мне кажется, что концептуальное ядро биополитики достаточно внятно было обозначено тем же Фуко: это, собственно, и есть безопасность, территория, население, и вряд ли нужно придумывать что-то ещё. С другой стороны, очевидно, что эти три имени представляют собой манифестации начала, которое у Фуко не предъявлено, но без которого всё это учение окажется неполным. Я имею в виду то, что биополитика – это не совсем изобретение Фуко. Уже говорили об этом, в других терминах и под другим углом зрения. Ведь когда Батай пишет об общей экономике или Бланшо – о коммунизме без коммунизма, имеется в виду та же проблема. С другой позиции, под другим ракурсом. Это всё о нигилизме, на самом деле. И это не приходит неизвестно откуда, но представляет собой развитие, возможно, довершение отрицания, которое стояло в центре у Гегеля, Ницше и Хайдеггера. Население – это что такое? Это отрицание народа. Фуко не мыслил диалектически, пускай так, но разве не очевидно из последней лекции «Нужно защищать общество», что временами что-то такое было? Не там ли сказано, что дисциплинарная власть индивидуализирует тела, а биовласть – массифицирует?

Под отрицанием не имеется в виду отказ. Скорее, это о преодолении, о выходе к более общему основанию, чем то, которое поставила прошлая эпоха. И если прошлая эпоха говорила о бытии, которое, освобожденное от внешних предикатов, проявлялось в ясности временении человека, то следующий шаг – это освобождение от бытия и его ясности, но также и от человека. Освобождение от ясности как своеобразное освобождение от мышления. Посмотрите, к примеру, на тексты Фуко: можно ли их понять как целое? Нет. Любая попытка их структурировать, выделить этапы творчества, прокинуть через его наследие некую мысль, которая была бы центральной, – всё это, на самом деле, насилие дисциплины над его текстами, нечто совершенно им внешнее. Фуко не нужно понимать, его нужно не понимать. Выйти в новую установку, более общую и широкую, а именно, к такому типу мысли, который не ищет единства и не пытается синтезировать множество в космос или некую точку. Не думать, параллельно думая, что это обернётся пониманием целого, не иметь под мыслью некую подложку. Но ничего под ней не иметь, иметь под ней Ничто, которое оборачивается дроблением мысли, разбросом в множество, предстающем не индивидуализацией мысли, но её массификацией.

Мне не кажется, что биополитика – это нечто в чьих-то руках, что тут есть сторона, которая бы применяла к населению техники безопасности, к примеру, в ситуации пандемии. Последние применяются, но при всей их масштабности они остаются локальными и ничего не объясняют. Биополитика – это не о политике, это про состояние жизни: жизнь в статусе биополитики, она деполитизируется. В отличие от волевых единств дисциплинарной эпохи, способных на политический жест, сообщества эпохи контроля так не работают. И не потому, что они стали слабыми. А потому, что силы, которые когда-то уходили в страсть, теперь не сбрасываются просто так, это слишком накладно. Не упаковывать тело в разум, в дисциплину, в запрет, которые, в конце концов, не вы-

держат скопленных сил и прорвутся припадком истерии или страсти, бунтом, революцией или войной. Но позволить желанию развернуться, а именно, в среде, гораздо более свободной, чем разум, в разреженном пространстве языка или, скорее, письма, в котором страсть или бунт разрастаются бесконечными текстами. Отсюда наращивание документооборота, законов, стандартов и правил. Но отсюда же потоки литературы и комментариев, в конце концов, переписки. Биополитика – это деполитизация жизни, процесс, развернутый в языке, в котором множатся объясняющие её модели. Эти блестящие тексты без окончательной Идеи и нацеленные не на выявление смысла, но именно на блеск, на свет без источника. Выявляя Ничто разума, они указывают на это Ничто, на концептуальное ядро биополитики.

2. Могут ли они формы биополитики быть конкретными? Может ли быть конкретной, к примеру, медицина? Да, конечно. Но тогда речь идёт не о форме биополитики, но о дисциплине. Форма биополитики не конкретна и не дискретна, это не единство и не множество, это множество с ризомными единствами или псевдоединство, разлипающееся на множества. Медицина не тогда становится формой биополитики, когда перестаёт быть врачеванием и начинает заниматься населением как целым. Это ещё полпути, предельная развёрнутость дисциплины. Но когда её рекомендации населению перестают иметь всякий смысл: когда они сбиваются и противоречат друг другу, отменяются, дополняются, разрастаются во множестве комментариев. Медицина становится формой биополитики, когда на её месте проступает язык: среда, в которой мысль исчезает.

Тем не менее, если быть слегка поконкретнее, то хочется сказать, что не медицина тут в центре. Базовой моделью биополитики, если называть вообще какие-то имена, является, скорее, экология. Поскольку население – это ведь не множество людей, переведённых из-под дисциплины в общества безопасности. Это множество людей со средой, в которой они обитают. Живущий на земле народ против сложного единства населения и его материального окружения, против единства спутанного и постоянно переформируемого, дополняемого, изменяемого и т.д. Что касается экологии, то желая, вероятно, вывести нас в отношения «я – ты», «человек – объект природы», в некую забытую естественность, она, на деле, так никогда не работает. Ведь суть не в том, чтобы куда-то нас вывести, «я – ты» тут не имеет значения. Суть в том, чтобы производить население, трансформировать народ в население, работать с вязким множеством популяций, а не с конкретными единицами. «Инвайроментализм и экология как наука, – пишет Тимоти Мортон, – обычно работают с популяциями, а не индивидами».

3. О том, что значит научно-технический прогресс как средство биополитики. Это хороший вопрос. Биополитика имеет странные отношения со временем. Здесь невозможно сделать «Schritt zurück» к некоему основанию или точке, с которой для индивида начиналось бы его время. В ситуации биополитики нет как такового Времени. Есть множество времен. Не у каждого своё время, но множество времён как анонимных потоков активности, идущих на разных скоростях и разной длины, рвущихся, длящихся, друг друга сопровождающих или пересекающих. Человек переходит от потока к потоку, ищет свою волну, но здесь, пожалуй, нет волны, которую он мог бы найти как свою. В этом смыс-

ле, НТП – это постоянное восполнение нехватки, лежащей в основании ситуации. Творец нигде себя не может найти, поэтому он постоянно творит. Но здесь нельзя ничего сотворить, поскольку за его спиной нет Инстанции, которая бы придала его творению статус Творения. Восполнить, стало быть, ничего не получится. Получится продолжить творить – нечто новое, необычное, в конце концов, просто комфортное. НТП – не про движение вперёд. Это всё та же массификация и дробление, специализация и диверсификация экономики.

Но нужно ещё сказать, что здесь возможны как бы две эмоциональные перспективы. Да, это нехватка и отсутствие основания, это Ничто как фундамент и безнадежный поиск себя. Но, с другой стороны, нехватка – это другая сторона полноты, отсутствие внятных границ и запретов, отсутствие определённости. Нехватка – недодуманный избыток, реликт дисциплинарности в биополитике, нечто, что хочет быть определённым в ситуации, в которой возможно отдаться стихийности. Я хочу сказать, что всё это, действительно, про время. В биополитике оно разрывается, и НТП есть явленность его разрыва. Его, действительно, пытаются собрать, восстановить дисциплину. Но очевидно, что есть и другие варианты: не тратить силы на прошлое, но переорганизовать свою собственную экономику в соответствии с безграничностью настоящего, в соответствии с точкой, которой не существует, поскольку она разошлась на множество активностей.

4. Политизация философии – это достаточно редкое явление. Можно говорить о политизации Маркса или Ницше, наверно, кого-то ещё, список не будет большим. На повестке дня, скорее, де- и реполитизация философии, активно развёрнутые в ситуации биополитики. Деполитизация как процесс, в котором философия подрывает собственные основания, начинается с Хайдеггера, но разворачивается в постструктурализме, в котором добывается идея трансцендентального синтеза. В результате философия перестаёт быть практикой сборки этического субъекта, способного на политическое действие, и становится практикой реорганизации индивида в соответствии с запросами глобальной экономики. Реполитизация философии – обратный процесс, идущий за только что обозначенным, идущий, как правило, слева, и в котором множествам индивидов, соразмерным актуальным экономическим процессам, придается политический заряд, выброс которого может провоцироваться (как, к примеру, у Негри) или просто ожидаться (как, к примеру, у Вирно).

Но вопрос можно поставить иначе: действительно ли, как это сказано у Бодрийяра или Нанси, философия была деполитизирована? Ведь желаемый постмодернистами распад субъекта, основание которого Хайдеггер перенёс в трансцендентальное воображение, на самом деле, не был доведён до конца. Утратив точку сборки, воображение продолжает работать, уровень образа/света не пройден, мы остаёмся в мире метафизики, все политические предикаты которой продолжают работать. Именно поэтому возможен плавный переход от «деполитизации» философии к её «реполитизации»: поскольку первой просто-напросто не было, вторая, – принимая её наследство, – всего лишь его корректирует. Возможна ли полная деполитизация философии? Разумеется, нет. Философия работает только с образами, властью и экономикой и никак иначе.

Погоняйло Александр Григорьевич

Доктор философских наук, профессор кафедры истории философии. Санкт-Петербургский государственный университет. Институт философии.

E-mail: apogoniailo@gmail.com

1. Рожденный постструктуралистской мыслью концепт биополитики был одним из продуктов решительного разрыва с традицией метафизического мышления, в том числе в области политического философствования, поэтому он с трудом поддаётся определению, плохо укладываясь в «речь о сущности», этот главный органон первой философии. Сущность для постструктуралиста – не «что», а «как», не что-то инвариантное, лежащее в основании и развёртывающееся разными «формами»-вариантами, в которых осуществляется подлежащая им «сущность», а само осуществление чего бы то ни было, его расклад, или диспозитив. Сущность политического – это то, как осуществляется правление в полисе, при этом само «правление» понимается (с приставкой у- или без оной) как «рассредоточенное»; иначе говоря, власть лишена единого источника и центра, это именно расклад сил, их *диспозитив*, управляющий и правителями, и управляемыми, почему и необходимо, чтобы «в самом средоточии власти ей бросала вызов свобода» (Фуко).

Тем не менее, хоть как-то пытаюсь определить биополитику, Фуко описывает исторические обстоятельства (хотя это тоже не история в привычном понимании) её появления на свет. Биополитика – это политика новоевропейского буржуазного национального государства, озабоченного собственным благосостоянием, прежде всего, экономическим (так называемое «государство государственного интереса»). Целью правительства является процветание государства, и главный ресурс для этого оно видит в населении² собственной страны. Инвестируя в население, политическая власть преобразуется в биовласть, поскольку постепенно перетягивает на себя заботу решительно обо всех сторонах человеческой жизни, попутно их контролируя и регламентируя. Причём этот контроль и эта регламентация осуществляются, в конечном счёте, с согласия граждан, признающих необходимость и полезность соответствующих норм, проверок, мер и мероприятий по обеспечению здоровья, прироста населения, его образования, безопасности и т. д., принимаемых и проводимых с опорой на последние достижения возникающих и быстро развивающихся наук и техники.

Конечно, в таком раскладе политического могут таиться угрозы индивидуальным правам и свободам, как и самому существованию политического, но сам по себе термин «биополитика» не несёт у Фуко отрицательных коннотаций, поскольку описывает действительное положение дел, в котором, по крайней мере, хорошо бы отдавать себе отчет. Но как проект его истории сексуальности был принят на ура публикой под знаком «гипотезы подавления», так и биополитические штудии Фуко были расценены как объявление войны биополитике. С этим фундаментальным непониманием смысла проделанной Фуко работы связано обилие «моделей» биополитики и множественность «биополитических дискурсов», ведущихся с самых разных позиций –

² Такого объекта правительственной заботы как население страны ранее не существовало.

от (нео/псевдо) марксистских, маоистских, до фундаменталистских и расистских – а также высокая степень их полемичности.

2. Как искусство государственного правления (включающее и межгосударственную политику) политика есть способ существования человеческих сообществ, предполагающий управление свободными, т. е., теми, кто сами собой управляют. Иными словами, какой бы авторитарной или диктаторской ни была политическая власть, управляемые должны на неё соглашаться; их согласие необходимо самой власти, и оно отличает подчинённых (подчиняющихся) политической власти от рабов, у которых не спрашивают, согласны ли они на рабство. Политическая власть – власть, нуждающаяся в признании в качестве таковой. Биополитика до тех пор остаётся политикой, покуда такой способ правления осуществляется с согласия граждан, более или менее отдающих себе отчёт в том, на что они соглашаются. Конкретные формы биополитики варьируются в зависимости от того, о каком политическом строе идёт речь: либерально-демократическом, авторитарном или фундаменталистско-тоталитарном. Биополитические технологии используются самыми разными режимами, причём в странах недемократических они, как правило, принимают наиболее извращённые и опасные формы. С другой стороны, критика буржуазных демократий как форм биополитического правления совсем неуместна там, где правительство и не думало проявлять заботу о населении как главном ресурсе процветания государства, если, конечно, отвлекаться от деклараций.

3. Биовласть в принципе устроена так, чтобы быть высокотехнологичной. В этом её преимущество и существенный изъян. Само принятие решений становится «делом техники», осуществляется идеал «жизни по науке» (ау, «научно-обоснованное мировоззрение» советского марксизма!). Высокая технологичность биополитики делает её безальтернативной, что одновременно подрывает основы политического. Биополитика – слишком удобный способ государственного правления, чтобы не выходить за национальные границы и не распространяться по всему миру. Вместе с тем – это такое правление, которое в силу своей высокой технологичности оказывается безальтернативным и тем самым устранивает из политики её суть – сам элемент политического, саму необходимость политического решения и поступка. Это иллюзия, будто те или иные технологии можно заставить служить тем или иным политическим целям (например, выборные технологии): технологии служат только технологиям, их самосовершенствованию, производя как своих (технологических) субъектов, так и свои столь же технологические объекты.

4. Политизация и деполитизация – в данном случае две стороны одной медали: философия политизируется в том смысле, что в качестве политической философии разбирается с биополитикой, этим нашим нынешним human condition, что настоятельно ставит вопрос о её деполитизации, так как философия, будучи политически ангажированной, перестаёт быть философией, т. е., согласно Фуко, «политикой истины».

Попов Данил Сергеевич

Магистр. Санкт-Петербургский государственный университет. Институт философии.

E-mail: Evseviy-Dan@yandex.ru

1. Тема биополитики, поставленная М. Фуко в последней четверти XX века, получила существенное развитие в целом ряде различных областей и направлений. Однако наибольший, на наш взгляд, интерес представляет её измерение, которое восходит к тематике производства субъективности. Именно здесь, как в точке, сходятся темы логики властных отношений, подчинения, свободы.

Так, М. Фуко, разрабатывая теорию «био-политики народонаселения», когда технологии власти движутся в сторону процессов жизни, неизменно обращал внимание и на уровень индивида, который в таких условиях учится понимать, «что значит быть видом живого в мире живого, иметь тело, условия существования, статистическую продолжительность жизни, индивидуальное и коллективное здоровье, силы, которые можно изменять, и пространство, где они могут быть распределены оптимальным образом». Вероятно, для М. Фуко эта тема была очень важна, поскольку мы встречаем у него типологию видов борьбы за свободу, в которой «борьба против порабощения – против подчинения субъективности» значителен как преобладающая в наши дни.

Сегодня интересное развитие данной линии мы видим, в частности, в трудах А. Негри. С одной стороны, совместно с М. Хардтом (в их «Империи») они выделяют феномен гибридного производства субъективности как одну из важных характеристик становления современного общества контроля. По их мысли, субъективность, являясь постоянным социальным процессом порождения, ещё в недавнем прошлом производилась локально в рамках перехода индивида от одного социального института к другому: школа, армия, тюрьма, фабрика имели собственную логику и правила субъективации. В то же время «гибридная субъективность» не принадлежит ни к одной из перечисленных идентичностей и одновременно – всем им. Субъективность рабочего вне фабрики, ученика вне школы, заключённого вне тюрьмы или пациента вне больницы ещё более строго подчиняет индивидов дисциплинарной логике.

Однако, согласно известной строке из Гёльдерлина, «где опасность, там вырастает и спасительное». И по мнению А. Негри то, что власть наполнила собой жизнь, значит также, что жизнь стала властью. Иными словам, сама жизнь индивида – труд, язык, тело, желания – может стать и местом возникновения контрвласти, местом «производства субъективности, которое должно будет представлять себя как момент выхода из подчинения».

2. Биополитика на деле реализует вполне естественные стремления человека к благополучию, безопасности, здоровью, процветанию. А. Негри справедливо назвал её «великой социальной медициной». Другое дело, что условием такой реализации является замена «индивидов» на «население». В этом смысле на смену процессам субъективации приходит объективация. Здесь уместнее всего напомнить то, что И. Кант писал о состоянии несовершеннолетия: книга мыслит за меня, духовный пастырь заменяет мою совесть, врач – предписывает определённый образ жизни. «Мне нет надобности мыслить, если я в состоянии платить; этим скучным делом займутся вместо меня другие».

Конечно, в ситуации биополитики эти процессы невероятно интенсифицируются. По мысли Дж. Агамбена, если взять в качестве примера нынешнюю пандемию, можно увидеть, что речь уже не идёт о простом следовании предписанию врачей. Дело даже не в том, что власти вводят чрезвычайное положение и ограничивают права и свободы человека из соображений безопасности. Наука и медицина стали своеобразной религией, которая предписывает правила для правительств и организаций и в то же время проникает во все без исключения аспекты существования человека. Последний оказывается склонен охотно и безоговорочно следовать её предписаниям, кардинально меняя свой образ жизни.

3. В современном цифровом обществе техники биовласти имеют благоприятную среду для своего становления. Машины и главным образом Интернет служат важными проводниками этих процессов. Вслед М. Хардтом, А. Негри, М. Кастельсом можно говорить о пространстве и власти сетей, с помощью которых трансляция господствующего дискурса, идеалов «нормальности» становится столь же простой, как и фильтрация дискурса нежелательного. Цифровизация жизни делает немыслимой борьбу с биовластью в условиях, когда индивид включён в вездесущее информационное поле, транслирующее нормальный дискурс, нормальное знание, нормальные ценности, которое, к тому же, аккомпанируется техническими приборами, прочно вошедшими в жизнь человека и делающими её безопасной, продуктивной, приятной.

Налицо и то, что цифровые технологии трансформируют жизнь и в некотором смысле меняют самого человека. Так, по мысли Дж. Агамбена, важной частью грядущего «цифрового варварства» «является стирание из жизни каких бы то ни было чувств и утрата лиц, навсегда заточенных в спектре экрана». Дж. Агамбен считает, что это касается и университетов, в той степени, в какой они под предлогом безопасности в условиях пандемии переходят на дистанционное обучение. Это ставит под угрозу суть феномена «университет», поскольку самоё бытие студентом включало в себя определённый образ жизни, коллективность, налаживание социальных связей, дружбу и пр.

Таким образом, ни интеллектуальная критика, ни борьба в легальном политическом поле, ни бунт не могут сами по себе служить выходом из ситуации биополитики, коль скоро она (в первую очередь посредством современных технологий) представлена на уровне государственной власти ничуть не меньше, чем на уровне жизни отдельного человека.

4. Проблема деполитизации философии и разметка стратегий действительных практик свободы в мире биополитики тесным образом связана с тем, о чём мы говорили выше – с невозможностью бороться с биовластью на университетской кафедре, в своём блоге, на митинге, ведя при этом обычную, нормальную жизнь среднестатистического человека – представителя «населения».

В этом смысле очевидный дрейф современной мысли в сторону понимания философии как некоего агрегата учёности, знания, информационной аналитики, которая призвана выработать ряд «экспертных» мнений, могущих направлять общество на верный путь, представляется несомненным спутником её политизации. В то же время, присмотревшись к истории философии, можно увидеть, что её сила может проявиться совсем в иной, деполитизированной плоскости, представляя собой в то же время и подлинную реполитизацию.

Примером тому могут послужить идеи М. Фуко. В ходе своих лекционных курсов он прямо говорил о необходимости создать этику себя, необходимости главной, политически насущной: «если и впрямь, сопротивляясь политической власти, опереться на что-либо, кроме как на то, как ты сам к себе относишься, больше не на что».

Специфика взгляда М. Фуко на отношения власти и проблему субъекта, тем не менее, в российском интеллектуальном пространстве сегодня лишь начинает изучаться. Исследователи справедливо отмечают, что предложенная французским философом новаторская концепция отношений власти, которая ставит в центр субъектов, отношения между ними и производство субъективности в т. ч. с помощью философских практик самотрансформации, у нас по ряду причин оказывается предельно сближена с классическим пониманием власти как главным образом государственной власти, чьей сущностью является насилие. Это в корне противоречит тому, что хотел сказать сам М. Фуко. Соответственно, как указывают специалисты, философский аспект политического проекта мыслителя (по крайней мере в России) оказывается малоизученным.

Говоря о проблемах политизации и деполитизации философии в контексте озабоченности современных философов проблемами биополитики, мы считаем необходимым вернуться к философским идеям М. Фуко. Для него стратегии отстаивания свободы в мире биополитики должны включать в себя соединение интеллектуальных разысканий индивида и его повседневного существования: конкретный философский этос, определённый образ жизни, духовный опыт. В текстах и лекциях самого философа всё это связывается с терминами искусство / эстетика / стиль существования. По сути, здесь идёт речь о философском образе жизни, который можно вслед за П. Адо понимать как экзистенциальное предпочтение, требующее от индивида изменения всей своей жизни, «желание жить и быть определённым образом».

Сомин Игорь Дмитриевич

Магистр. Санкт-Петербургский государственный университет. Институт философии.

E-mail: igor_somin@mail.ru

1. Современный концепт биовласти имеет относительно небольшую историю, начавшуюся в конце XIX века. Этимологически биополитика – это политика, связанная с жизнью или та, которая имеет дело с жизнью, но здесь следует смело поставить вопрос: о какой жизни идёт речь?

Первой масштабной вехой, к которой отсылает немецкий исследователь Томас Лемке в работе «Biopolitics: An Advanced Introduction», является геополитика. Если обратиться к одному из основателей геополитики – Рудольфу Челлену, то он, в первую очередь «биологизировал» общественную жизнь, а государство рассматривал через метафору организма, как оригинальную форму жизни, при которой все институции лишь выражают волю «живого» целого, воплощающего подлинную жизнь. Переключившись на национал-социалистическую идеологию, данный термин лишь упрочил свои позиции, в том числе став одной из опор государственной пропаганды и целым научным направлением, оправдывающим биомедицинские эксперименты – евгенику или учение о человеческой селекции. Таким образом, «жизнь» стала пониматься как форма субъективации.

Мишель Фуко предлагает совершенно новую теорию, которая осуществляла разрыв с идеями о том, что политический процесс можно свести исключительно к биологической или социальной детерминациям. Современное понимание биополитики определяется как стратегия, при помощи которой осуществляется управление как отдельным индивидом, так и населением в целом, поскольку её точкой опоры становится жизнь человека. Итальянский философ Джорджо Агамбен идёт дальше Фуко и открывает онтологический статус биополитики, обнажая перед нами её современную форму – «концентрационный лагерь». Исходя из этого, а также держа в уме политику страха Жижека, можно выдвинуть тезис о том, что биовласть не есть открытие эпохи рационализма и Нового времени, а данность, идущая рука об руку с человеком на протяжении всей его истории. Само её нынешнее концептуальное ядро кроется в естественной реакции на события первой половины XX века, включившей две мировые войны, несколько эпидемий, а также коренные изменения в экономической сфере. Эта реакция не могла не повлиять на человеческое мировоззрение, когда непосредственная данность жизни сделалась объектом политики, её новым фундаментальным основанием.

2. Рассуждая о конкретных формах биополитики, можно выделить две формы биовласти – распылённую или концентрированную, как это предлагает делать А. Сулимов. Однако, я бы осмелился дать им иное название – чистая и гибридная. Чистая форма биовласти кажется максимально понятной, поскольку она задействует всю полноту своей силы, как в «ситуации концлагеря», она направлена на субъекта и его политическую волю, стремясь к её устранению через описанную С. Жижеком политику страха. Это ситуация, когда новая форма управления лишается старых идеологических ориентиров, снимая оппозицию левых и правых. Чистая биовласть целиком концентрируется на управленческом аспекте властных отношений, чтобы регулировать безопасность и благополучие жизни больших масс людей, делая их ключевой ценностью современной эпохи.

После этого в бой вступает гибридная форма. Её оружие — «мягкая сила», которая с помощью более привлекательных и изобретательных техник извлекает и устраняет политику как дискурс. Например, мы можем выделить особые практики, напрямую направленные на такие внешне внеполитические сферы, как — здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни.

Для этого используются мощнейшие ресурсы посткапиталистического производства и неолиберальной идеологии, призванные привить населению такие полезные привычки или идеи, как здоровый образ жизни, осознанное потребление и особое отношение к экологии – раздельный сбор мусора или отказ от той или иной продукции животного происхождения. Однако, наивно было бы отрицать, что эти практики не являются инструментом контроля над активностью социально-политического субъекта. Для экономики важно здоровое население, люди, заботящиеся о своём организме, что позволяет расходовать меньше ресурсов на систему здравоохранения, которая во многих западных странах является достаточно дорогим удовольствием. Налицо активное развитие и распространение технологий, заточенных для этих целей. В странах Европы и США широкой популярностью пользуются фитнес-трекеры, которые способны отслеживать шаги, фазы сна, пульс и прочие биологи-

ческие показатели человеческого организма, приложения для подсчета калорий, количества выпитой жидкости. Они становятся новым трендом, являясь инструментом биополитики, поскольку с их помощью осуществляется контроль над человеческим телом, способный поддерживать в нём нужный уровень физической активности и держать в тонусе участника современных капиталистических отношений.

3. Внедрение в повседневную жизнь широкого спектра современных биополитических практик сегодня стало активно развивающейся при помощи сетей и цифровых средств реальностью благодаря научно-техническому прогрессу. Контроль, управление, наблюдение – это уровни, на которых они работают. Раньше взаимодействие с человеческими массами было крайне затруднено из-за проблем с прямой коммуникацией, что вызвало ряд проблем не только для эффективного администрирования, но и для надзора над той или иной сферой.

Задачей современных технологий является упрощение этой коммуникации. Первый уровень биополитических практик – контроль. Он нужен не столько для слежки, сколько для формирования эффективной стратегии управления. В качестве рабочей модели можно привести предложенный Агамбеном концентрационный лагерь, который в период пандемии сделался не только западной парадигмой, но скорее общемировой ситуацией. В ней максимально проявились черты чрезвычайного положения, которое становится самой настоящей рутинной, основанной на эксплуатации массовой жажды паники. Это приводит общество и управленцев к новым изощёренным технологиям слежения и контроля, которые в данный момент создаются и используются под вполне благовидным предлогом спасения человеческих жизней. Смартфоны, геолокация, специальные приложения, видеокамеры и беспилотные дроны и проч. должны обеспечить контроль за населением, вынужденным оставаться дома не столько из-за угрозы заражения, сколько из-за ситуации, выход за рамки которой чреват нарушением закона и разного рода наказаниями.

Второй уровень – управление, которое связано с увеличением роли цифрового компонента в нашей жизни и ростом коммуникационного избытка, во многом использующего новые медиа-технологии. В первую очередь, нужно отметить, что оно отличается тотальной прозрачностью и поднадзорностью. Вместимость хранилищ данных, простота поиска информации, всемирный доступ к ней ведут к тому, что информация не только накапливается, но и сохраняется на длительный срок, оставляя мощнейший цифровой след. Вслед за Фуко, можно рассуждать о новых вариациях паноптикума. На смену физической приходит виртуальная форма, которая подсознательно формирует поведение, наш образ и дискурс, поскольку нам необходимо принять новые правила игры, согласиться с новой этикой. Ключевым фактором здесь становится биополитический страх, поскольку данная информация может использоваться работодателем, политическим или бизнес оппонентом в качестве компрометирующего оружия.

Третий уровень – наблюдение. По своей сути, современные биополитические практики нацелены на минимизацию управления, поскольку ряд полномочий можно делегировать технологиям, что позволяет, например, осуществлять снижение расходов. Если в работе «Надзирать и наказывать» продемонстри-

рована ситуация, когда в тюрьме нового типа нужен лишь один надзиратель, то теперь можно смело заявить – надзиратель не нужен вовсе. Точнее говоря, его можно максимально минимизировать при помощи технических средств. Мы отчетливее видим новую метафору современности – общество наблюдения, выраженного через переосмысленный феномен паноптизма, выраженный, например, через социальные сети или камеры наружного наблюдения, чья распространение уже длительное время происходит повсеместно, особенно в публичном или общественном пространстве. Технологии становятся идеальными надзирателями, поскольку могут не только идентифицировать человека по его внешним данным, но и при подключении к глобальным базам данных сразу же предоставить всю информацию о нём – от его биологических данных (отпечатков пальцев и сетчатки глаза, группы крови) до его кредитной истории или взаимоотношений с законом. Из-за этого «пользователя» всегда можно ограничить в его возможностях осуществлять коммуникацию, получать информацию, или действовать, отправив в чёрный список, который оказывается самым настоящим исключением/заключением, пусть и в цифровой среде, что, впрочем, может перекинуться на реальность. Дигитальная «голая жизнь» пользователя современных цифровых технологий осуществляется по аналогии с материальной. Образ жизни трансформируется в цифровую биополитику.

4. Пандемия вируса Covid-19 привела к тому, что биополитические дискурсы всё чаще стали проникать в публичное поле, как с ожесточенной критикой современных процессов, так и рефлексией над ними. Ключевым становится общий фрустрирующий фон, обусловленный современными кризисами и нестабильностью мирового политического пространства. С одной стороны, он вызван ростом социальной напряжённости, проявившейся, например, в маршах «жёлтых жилетов» во Франции или движения BLM в США, а с другой — экономическими проблемами, как в случае в Brexit. Современные диагнозы биовласти подводят нас к тому, что именно биополитический страх и утрата политической субъектности, вызванные неизвестностью будущего и туманностью настоящего, лежащие в основании современной властной парадигмы, становятся основной картой, разыгрываемой в данный момент в пользу усиления влияния государства, выстраивания новых эффективных систем управления и администрирования населения. Поэтому вряд ли можно говорить о деполитизации дискурсов, скорее, следует утверждать обратное – радикальная политизация и маргинализация могут сделаться новой оптикой, направленной на осмысление пространства самой политики и анализ политического как такового.

Сулимов Александр Валерьевич

Магистр. Санкт-Петербургский государственный университет. Факультет свободных искусств и наук.

E-mail: alexandersulimov1@gmail.com

1. Коронавирус проверяет на прочность не только системы здравоохранения, но и затрагивающие биополитику философские дискурсы, которые стали угрожающе реальными в последнее время. Тем внимательнее мы должны быть к ним сегодня, поэтому необходима тщательная ревизия наших представлений о биополитике.

Дискурсивное поле биополитики сформировано Мишелем Фуко и Джорджо Агамбеном. Для Фуко биополитика — это доминирующая в современную эпоху форма власти, подразумевающая отношение к населению как совокупности живых организмов, и использующая набор определенных властных техник, которые оформились вследствие расщепления сути суверенной власти. Для Агамбена напротив “подлинной деятельностью суверенной власти является производство биополитического тела”. В этом смысле биополитика – “по меньшей мере такая же древняя, как и ситуация суверенного исключения”. Последующие модели биополитики так или иначе наследуют одной из этих двух традиций.

Агамбен сделался одним из главных комментаторов текущего кризиса, на протяжении всей пандемии публикуя колонки в различных изданиях. Отрицая опасность коронавируса, он видит тенденцию к использованию чрезвычайного положения как нормальной парадигмы для власти, констатирует пропажу Ближнего, кризис университетов, а также предсказывает замену отношений между людьми отношением человек — машина. По его мнению, “террор здравоохранением” основывается на гипотетической опасности, а биобезопасность становится новой логикой существования государства в свете кризиса идеологий.

Исходящая из собственной биополитической концепции, позиция Агамбена в миг стала предметом дискуссии. Почти сразу же ему ответил Жан-Люк Нанси, напомнивший о том, как Джорджо Агамбен советовал ему не слушать врачей, когда Нанси была нужна пересадка сердца. Действия властей он понимает как необходимое зло. Там, где Агамбен видит разрушение коллективного, Нанси обнаруживает парадоксальную возможность ощутить опыт сообщества.

Затем к дискуссии присоединился Славой Жижек, еще в апреле выпустивший целую книгу о влиянии коронавируса на устройство политики, в которой он, в том числе, полемизирует с Агамбеном. Как и Нанси, он упрекает Агамбена в излишней панике, в то же время опасаясь, что средства, которые используются для борьбы с пандемией, будут брошены на поддержание власти; Жижек подчеркивает, однако, ошибочность сведения эпидемии к исключительно биополитическому дискурсу наблюдения и контроля.

2. Пользуясь метафорой Ги Дебора, нам кажется справедливым говорить о двух основных формах биовласти: концентрированной и распыленной, отмечая при этом, что обе формы вполне интегрированы друг в друга в современных неолиберальных государствах.

Оба режима биополитики существуют в традиции собственного описательного языка. Под прицелом Фуко – распыленная биополитика, растворенная в общественном бессознательном, пронизывающая сами властные отношения, не имеющая центра принятия решений и исходящая из либерального принципа: “Правления всегда слишком много”.

Для анализа концентрированной биополитики правильнее будет использовать агамбеновскую оптику, для которой концлагерь является парадигмой Запада. Концентрированная биополитика обнаруживает себя в зонах «чрезвычайного положения», там и в отношении тех, где действие права находится под большим сомнением: на государственных границах, в лагерях беженцев, тюрьмах, и. т. п. Власть суверена в таких политических пространствах относится к вверенным им субъектам исключительно как к «голой жизни».

3. Технический прогресс способствовал проникновению инструментов биополитического контроля в наши повседневные практики. Концентрированную и распыленную биополитику возможно различать во многом благодаря используемому инструментарию.

В ситуации распыленной биополитики инструменты биополитического контроля скрыты: умные дома, фитнес браслеты, манипуляция поисковой выдачей. Данные, собираемые с помощью описанных технологий, анализируются для того, чтобы предложить пользователю наиболее релевантную информацию о товарах и услугах. Тем самым они становятся, с одной стороны, инструментами маркетинговых стратегий рынка и, одновременно, инструментом контроля и управления обществом, а, с другой стороны, способом формирования современного субъекта посредством постоянно расширяющихся возможностей наблюдения и документирования.

Концентрированная биополитика, напротив, монополизирована государством. Пример ее реализации можно обнаружить в политике Китая в отношении уйгуров, а также на границах национальных государств. Для этого типа биополитики свойственно использовать дактилоскопию, большое количество камер наблюдения, сканеры отпечатков и сетчатки, а крайним его проявлением можно считать китайскую систему социального рейтинга. Как отмечает Ф.Д. Кольман, реализация этих стратегий сводят гражданство к биологическому факту, набору идентификационных характеристик, по сути деполитизируя его.

Анализируя деятельность правительств во время пандемии, философ Поль Беатрис Пресьядо выделил два основных типа контроля: европейский (Китай, Италия, Франция) и азиатский (Япония, Сингапур, Южная Корея). Как он верно заметил, европейский тип мер по борьбе с эпидемией мало отличаются от тех, что описал Фуко в «Надзирать и наказывать» в главе о борьбе с чумой: строгое территориальное разделение, изоляция, контроль на границах. Азиатский действует в агамбеновской логике исключения, которую Пресьядо называет фармопорнологическим методом, Реализуемым путем большого количества тестов, а также слежения за пациентами и потенциально зараженными с помощью мобильных устройств. Тем не менее, можно констатировать факт узаконивания государственной практики контроля и бионаблюдения как жизненной необходимости для поддержания иммунитета нации. Таким образом, в условиях пандемии влияние новых технологий заметно в обеих парадигмах, но в большей степени прослеживается в азиатском типе контроля.

4. Деполитизация философии в текущем дискурсе о биополитике однозначно невозможна, поскольку биополитика — и здесь я склонен согласиться и Агамбеном, и с Фуко — суть современной власти. Более того, текущая общемировая ситуация ставит перед обществом вопрос: как существовать в новой этико-биополитической ситуации, сохраняя внутреннюю свободу? Радикальная политизация философии может быть средством сопротивления биополитике в эпоху дигитального поворота. Вопрос лишь в выборе стратегии сопротивления. Если трактовать развертывание биополитики в агамбеновском духе через шмиттовское понятие чрезвычайного положения, то выход предполагает реализацию беньяминовской стратегии «чистого насилия», на которую указывает сам Агамбен. Если рассматривать биополитику в фукольдианском ключе, то есть как производную от либеральной правительственности, то сам

Фуко обозначает в поздних своих работах эстетику существования как стратегию сопротивления биовласти, что убедительно показывает Д.С. Попов. Частным случаем воплощения этой стратегии представляются концепция анарха и идея «ухода в лес» в работах Эрнста Юнгера. В поисках третьей стратегии можно проследовать за Панайотисом Сотирисом, который вопрошает о возможностях реализации демократической биополитики — биополитики снизу, в рамках которой он совмещает оригинальное прочтение Фуко с латуровской интерпретацией концепции фантомной публики.

Фролов Александр Андреевич

Магистр. Санкт-Петербургский государственный университет. Институт философии.

E-mail: frolov24@icloud.com

1. Открывая современные философские журналы мы, за редким исключением, не обнаруживаем в них понятия биополитики, но внимательно вчитываясь в материал, мы тем не менее погружаемся в проблематику биополитики. В условиях новейшего времени, философские повестки сменяются всё стремительнее, вполне в духе акселерационизма, который, к слову, сам прожил недолгих 4 года. Для многих современных авторов биополитика – саморазумеющаяся данность, вроде концепции метанарративов Лиотара, ведь кто в здравом уме будет утверждать, что в нашем мире их нет?

С другой стороны, целый ряд авторитетных философов, к примеру, Джорджо Агамбен, Антонио Негри, отчасти Жак Рансьер с его концептом «Несогласия», сделали биополитику как власть над жизнью населения фундаментом своей философии. Но, как-бы не хотели современные авторы уйти от проблематики постмодерна, который, по мнению ряда философов левого крыла, украл у них будущее, практически вся современная философия содержит в себе гены постмодернизма. Следовательно, в любых манифестах крипто-анархистов, метамодернистов, акселерационистов содержится биополитическая проблематика, которая, безусловно, претерпела трансформацию и сместилась в сторону виртуальной реальности. Концептуальное ядро при этом осталось прежним – проблема объективации человека внешними силами. Процесс, запущенный постфордистским капитализмом и его политическим двойником, неолиберализмом, смещает его биополитическое влияние с простой объективации индивида, происходившей при навязанных сверху регламентирующих установках, которые человек воспринимал как априорные, – к его субъективации биополитическими силами.

Как мы видим, стратегии постмодерна по борьбе с тоталитарными дискурсами и логикой позднего капитализма, лежат в основании постсовременной философии в виде вытесненного травматического опыта, которой остаётся актуальным, но блокирует возможность теоретизировать будущее.

На художественном примере Марк Фишер показывает, как устроена культурная логика капитализма – «монструозное, чрезвычайно пластичное существо, способное поддерживать свой метаболизм в чём угодно и поглощать все, с чем соприкасается». Несмотря на отчуждение постсовременной философии от постмодерна, проблема поглощения капитализмом всех аспектов жизни, схожа с проблематикой биополитики, о которой пишет Фуко, как о способе

правления, нацеленного на население. На наш взгляд, понятие биополитики в современном дискурсе трансформируется в понятие капитализма, которое представляет собой тотальное погружение в пространство медиа, проникающие во все аспекты жизни через виртуальную среду.

2. Конкретные формы биополитики, как способа управления и функционирования уже не столько государств, сколько мирового рынка и его главных агентов, транснациональных корпораций, заключаются в программировании определённых способов потребления. Так, в современном западном мире этическая парадигма потребления выходит на первый план и представляет собой определённую форму духовности. Почему так происходит? Как может быть связана духовность, понимаемая со времён античности как создание личных отношений с истиной и преображение человека, с процессами, которые происходят с рядовым обывателем в современном мире? Способ правления в биополитике – это не полицейское государство, не строгие законы, спускаемые сверху. Это проявление заботы о здоровье и благосостоянии населения. Предписания и рекомендации биовласти сообщаются ему от лица коллективного субъекта, а, точнее, из позиции здравомыслия. Тем самым человек обретает «естественный свет» разума, который на деле исходит от ярких прожекторов билбордов.

На смену бездумному потреблению XX в. приходит потребление осознанное и потребление осознанного. Потребляя определённый продукт, человек видит в нём нечто большее, чем просто утоление потребностей – он начинает конституировать себя через этот продукт, заниматься «практиками себя». Такая форма биополитики реализуется в современном капитализме через идеи стартапов. Когда оценкой успешности продукта становится изменение привычного способа потребления субъекта, биополитика выражает себя в монетизации всех возможных желаний человека, как духовных, так и физических. Осуществляется перевод тотальности человеческого существования в область экономики.

3. Роль научно-технического прогресса была отмечена ещё Мишелем Фуко в его работе «Надзирать и Наказывать», но позиции, рассматриваемые им в этой работе, в большей степени соотносятся с концептом дисциплинарной власти. Разницу между концептами дисциплинарной власти и биовласти можно проследить через практики их осуществления: дисциплина работает с личностями, выделяя каждую из них. Биополитика, игнорируя индивидуальность, ориентируется на массы.

На мой взгляд, будет некорректно оставить без внимания связь биополитики и капиталистического реализма у британского писателя, теоретика культуры и философа Марка Фишера. Итак, из всего множества диспозитивов научно-технического прогресса, выделим и рассмотрим осуществление рекламных механизмов. С начала XX в. до середины 50-х гг. главной целью рекламы была миссия информирования, презентации потенциальному покупателю компании продукта. Этого было достаточно для того, чтобы человек смог сделать выбор и при возникновении потребности воспользоваться услугами фирмы или купить товар. Базовые потребности человека не столь безграничны, как нам внушает современный капиталистический дискурс. В середине XX в. национальные государства в США, Западной Европе и Юго-Восточной

Азии стали приобретать черты империи и пытаться насадить единственную «веру» в демократические/неолиберальные/традиционные ценности по всей планете для ее спасения. Маркетинг и реклама в это время начали активно использовать научные подходы: от бихевиоризма и общей психологии до теории игр и теории вероятности. Эффективность продаж могла быть достигнута лишь в работе с массами, понятие индивидуальности стиралась. На ее место пришел когортный подход, социально демографический анализ, а также Customer Development – один из последних методов в исследовании потребностей и желаний покупателей, для создания товаров и услуг. Современный человек рождается в дискурсе рекламы и пиара, они окружают и пронизывают его отнимая индивидуальность и показывая ему пути «исправления» его собственных потребностей. Потребление становится ритуалом, священнодействием благодаря которому, человек ощущает свою принадлежность социуму. Также стоит заметить, что монетизация жизни человека происходит в основном не в прямых покупках товаров или продуктов, новый тренд биовласти, которая, на наш взгляд, представляет собой волю рынка, заключается в покупке внимания пользователя. Так, самая высоко капитализированная социальная сеть Facebook успешно продает не реальные товары, и даже не виртуальные предметы. Главная статья их капитализации – это внимание пользователей, которое продается рекламным компаниям.

Медиареальность занимается пересборкой коллективного субъекта, создавая новые пространства виртуальной свободы через иллюзию выбора продуктов и видеоигр, где жизнь игрока суверена и выбор жизни или смерти остается за ним.

4. В наше время вопрос о политизации и деполитизации философии неправомерно игнорируется. Современные авторы, такие как Марк Фишер, Ник Ланд, Антонио Негри и другие с легкостью занимают левые позиции, не пытаясь ставить их под вопрос. Но давайте подумаем, насколько возможно оставаться философом, занимаясь политикой? Не можем же мы отказать в статусе философа Карлу Шмитту, Ханне Арендт, Карлу Марксу на основании их политических убеждений. И вряд ли можно назвать их политизированными философами, скорее они политически ангажированы. Такая ангажированность определенными политическими повестками присутствует и присутствовала ранее практически у всех современных философов. Все же философ осмысляет актуальность, а актуальность происходит вокруг него в социуме, который уже давно пронизан политикой. Уйти из общества может животное или сверхчеловек, напоминал Аристотель. Соответственно возникает вопрос, какие стратегии поведения должен выбирать философ в условиях биополитики? Возможно ли ей противостоять? Выше мы говорили о том, что биополитика в настоящее время находится в синтезе с 2 вещами: виртуальной реальностью и капитализмом. Соответственно и стратегии деполитизации на наш взгляд должны учитывать текущее положение дел. Примером философа, который успешно, на наш взгляд, деполитизировался (не в смысле обретения окончательного состояния, а постоянного процесса) является Мишель Фуко. Из-за его манеры письма, аккуратной расстановки мыслей в тексте, избегания абсолютистских позиций его часто называли «лисом». Постоянная работа над собой через тексты и исследования помогало Фуко концентрироваться на вопросах свободы

и осмысления нарастающего биополитического дискурса. Если принть во внимание его работы, лекции и образ жизни, можно сделать вывод, что философ, занимающийся деполитизацией собственной философии – это картограф, составляющий разметку дискурса, обозначающий диспозитивы, но не зовущий вступить в борьбу с той или иной стороны. Проблематичность такой стратегии заключается в том, что для ее реализации так или иначе нужно прибегать к инструментам биополитики – монетизировать труды своей деятельности для распространения своих идей. Во взаимодействии с социумом современный философ лишен альтернативы, уже крайне сложно помыслить такие школы философские школы и объединения как сад Эпикура или Пифагорейский союз. Но при этом, нельзя не отметить философов, которые занимаясь политической философией избегают политизации – Жак Рансьер и Дж. Агамбен представляются нам такими образцовыми современными «картографами», которые местами склонны сгущать краски, но при этом не призывают к прямым действиям под каким-либо флагом. С другой стороны, пример политизированного философа можно увидеть в Марте Нуссбаум, отчасти в Джудит Батлер. Первая призывает вступить в открытое организованное политическое противостояние, вторая выступает в пользу индивидуальных «перфомансов». Но суть остается та же, политизированный философ не пытается обратить внимание читателя на себя и мир вокруг себя, подставит его под вопрос.

Политизация выражается в субъективации индивида, призывая его к конкретным действиям. Но должен ли философ совсем избегать социального взаимодействия? Станет ли он на путь деполитизации, если изберет путь социального эскапизма? Ответ на этот вопрос остается открытым, но перед тем как его дать, хочется задать один вопрос: почему Заратустра, просвещённый мудрец, спускается в город «Пестрая Корова»?

Цыпина Лада Витальевна

Доцент, кандидат философских наук Санкт-Петербургский государственный университет. Институт философии.

E-mail: lada.zypina@gmail.com

1. Возникшее почти полвека назад в интеллектуальной лаборатории М. Фуко понятие биополитики успело сделаться модным, затем попасть в опалу и снова возродиться, но и сторонники, и противники этого понятия предостерегают от его автоматического употребления. В силу неизбежной двусмысленности биополитики как «понятия-кентавра» всякий раз приходится заново отвечать на вопрос, сформулированный Паоло Вирно: «каким образом и почему жизнь вторгается в центр публичной сферы, каким образом и почему Государство управляет ею и ее регулирует?». Этот вопрос ветвится и уточняется. Важно понять, что при таком вторжении происходит с публичностью, как пребыванием в присутствии других, ведь под сутью политического со времен Аристотеля понимается «своего рода общение»? Сохраняет ли политическая власть статус индустрии принуждения, а государственный аппарат – монополию на принятие политических решений? Что, наконец, подразумевается под жизнью, расходящиеся векторы которой располагаются между жизнью живущего, как непосредственным фактом существования (zoé), и свойственным существу (индивиду или особи) образом жизни (bios) на особицу или совмест-

но, когда жизнь осуществляется путем согласованных действий многих и разделяется сообществом?

В горизонте этих и подобных им вопросов сформировался биополитический дискурс как производный от осуществлявшихся под лозунгами постмодерна борьбы с эссенциализмом и отказа от всех и всяческих тотальностей. Именно потому, что это противостояние было перенесено из сферы иерархического порядка классической мысли в «плоскость имманентности» (Ж. Делёз), как мощи присутствия, ответы биополитики «подвесили» сами вопросы и распределились по разным проблемным осям, в результате чего находящаяся в постоянном процессе возникновения новых проблематизаций область политического стала артикулироваться исключительно вместе с практиками, в которых она создаётся. Тем самым политика, вбирая в себя жизнь человека, как «субъекта потенциала» (Д. Агамбен), или, как «субстрат некой чистой способности рабочей силы становится товаром» (П. Вирно), утратила статус объекта познания, превратившись в «мультилинейный ансамбль» (Ж. Делёз). Этот клубок (*écheveau* у Делёза) внутренних распределённости отношений и зависимостей невозможно уместить ни в одну из представимых перспектив в силу его многосоставности и сложности, образующих «островки» интенсивности (Дж. Ло), столкновения и компромиссы между его элементами. Однако, это не исключает возможности ориентироваться в поле биополитики. Условием такого ориентирования, рискнём предположить, оказывается напряжение двух образующих её концептуальных полюсов – понятий множества и диспозитива.

Понятие множества (*multitudo*), заимствованное из «Политического трактата» Спинозы, можно было бы счесть основанием биополитической онтологии, если бы она была легитимным начинанием. В прошлом столетии немало было сказано о «блестящей карьере *multitudo*» (Л. Винчигуэрра), о его «оглушительном реванше» (П. Вирно) при обсуждении кризиса государства как формы организации власти, или перспектив непредставительной демократии. При этом очевидно, что множество, как способ политического существования, парадоксально, оно не представляет собой сумму составляющих его единиц, а скорее является процессом прогрессирующей дифференциации единства, которая не приводит к последующему синтезу. Множество следует понимать, как проявляющую себя в коллективном действии на публичной сцене сингулярность (П. Вирно) или выходящую за пределы образующих его единичностей трансиндивидуальность (Э. Балибар). Его разновидностью является подлежащее у М. Фуко регуляции и управлению население, как дифференцированная и индивидуализированная целостность, которая располагает собственной телеологией, включающей безопасность, здоровье и процветание. Диспозитив (*dispositif*), как понятие, объединяющее в себе смыслы устройства, рас-положения (*dis-positio*), но и аппарата, и даже машинерии, не противопоставляется множеству, а демонстрирует то, каким образом оно приводится в движение, кодируя и декодируя формы знания и соответствующие им практики управления. Техническая (практически ремесленная) установка на знание-как делает диспозитив «идеальной точкой мысли, орудием» (В. Подорога), своего рода, опять-таки, нелегитимной биополитической методологией, позволяющей исследовать неупорядоченные множественности. Включив в толкование диспозитива отношения власти, Фуко рассматривает его как «инстанцию-продуцент дискурсивной практики». Агамбен различает в диспозитиве

бинарность бытия и действия, запускающую «машины власти» как условие антропогенеза, включающего человека в состав человечества и одновременно исключающего его в качестве «голой жизни».

2. Это затянувшееся предварительное размышление результируется ниже не в описании конкретных форм биополитики, а в указании на способы сопряжения диспозитивов и множеств. Это, в первую очередь, то, что Агамбен обозначает термином «форма-жизни», голой предпосылкой которой является тело человека, как вместилище возможностей «задействовать саму жизнь». Проживание жизни, т.е. включение в действие указанных возможностей оказывается утратой суверенитета (Спиноза назвал бы его «своеправием» (*sui juris*), как способностью отразить всякое насилие, чтобы иметь возможность жить по своему усмотрению (*ex suo ingenio vivere potest*)) из-за включения в непрерывный опыт коллективного мышления (Марксов *General Intellect*) и сообщения, исходящего из разделяемой всеми фактичности дара речи (*factum loquendi*). Мышление и речь/язык лежат в основе политической виртуозности, которая, согласно Вирно, состоит «в модулировании, артикуляции, варьировании «*General Intellect*». Агамбен заменяет виртуозность жестикуляцией, поскольку жест для него – это точка, в которой происходит сопряжение действия со способностью, общего с частным. Вытекающая из этой точки политика оценивается как «сфера чистых средств, т.е. абсолютной и всеохватной жестикуляции людей». Такой подход исключает всякий рецидив «естественного состояния» в состоянии политическом и выражает торжество «чужеправия» (*alterius esse juris*) – нахождения под властью другого, снова вспомним Спинозу, хотя и не исключает совместного желаний «жить по общему решению всех» или управление через свободу и лишение свободы.

Описанная ситуация не позволяет забыть о том, что в биополитике виды дисциплинарной власти отца, монарха, суверена, нации или партии, которые традиционно изучала классическая политическая наука, не отменяются, а сочленяются (*s'articule*) с биовластью, растворяясь в ней. Эту диффузию австралийский политический философ и интерпретатор Фуко Митчел Дин назвал «сигнатурой власти». За словом «сигнатура» скрывается почти алхимическая амбивалентность колебаний между двумя подвижными полюсами: экономико-управленческим полюсом правительности и юридически-институциональным полюсом суверенитета. Суверенитет – понятие с долгой историей, установленное посредством власти суверена над жизнью и смертью подданных, трансформировавшейся в верховенство права в отношении населения определенной территории. Фуко полагает, что суверенитет «пойман в круг самореференции», поскольку он следует исключительно за государственным интересом (*raison d'État*), запрещая, отнимая и захватывая саму жизнь. Правительность (используем один из, возможно, лучших переводов на русский изобретенного Р. Бартом «варварского неологизма» *gouvernementalité*, который Фуко популяризовал, окрестив его, правда, «уродливым словом»), напротив, – это режим практик, через который управление, совпадающее с «мысле-(на)правлением» (А. Бикбов) образует стратегическое поле отношений власти, т.е. ее диспозитив для возвращения и приумножения жизни. Интервенция правительности в государство, превращает последнее в «перипетию гвернаментальности» (Фуко), «*Mysterium burocraticum*» (Агамбен). Конфигурации, возникающие

в напряжениях и колебаниях между правительностью и суверенитетом, образуют конкретные модусы биополитики – «формы-жизни», вполне исчерпывающе описанные выше коллегами.

3. Этот вопрос представляется мне наиболее факультативным в силу его очевидности. Биополитика идёт рука об руку с развитием высоких технологий. Это объясняет ускоряющуюся цифровизацию повседневной жизни и перевод львиной доли человеческого общения в область «не-человеческого» (компьютерные технологии и сети) или наблюдаемое в последнее время стремительное «омедицинивание» воображения и рутинизированных практик. Гибридность как одно из важнейших свойств биополитики позволяет ей легко интерферировать с возникающими новыми технологиями, которые органично включаются в её диспозитив. Укажу лишь на два следствия этого взаимопроникновения, которые затрудняют отождествление биополитики с любой из разновидностей позднего капитализма, капитал-парламентаризма (А. Бадью) и общества интегрированного спектакля (Г. Дебор).

Во-первых, это онтологическая неустранимость множеств. Даже новые левые, например, операисты, которые утверждают, что «биополитика – это водоворот, втягивающий всю общую жизнь в тиски эксплуатации» и превращающий ее в «новое мясо», аморфную плоть» (М. Хардт, А. Негри) предвосхищают грядущее формирование тел-единиц возрождающейся истинной демократии. С другой стороны, создатели акторно-сетевой теории, провозгласившей «следование за акторами» (Б. Латур) отдают себе отчёт в том, что проблема множественного оказывается отражением проблемы вне-сетевого (А-М. Молл). Во-вторых, в эпоху биополитики одним из значимых механизмов производства повседневности в противовес «науке яйцеголовых» становится «ошеломляющее незнание» (Р. Проктор), которое нельзя отождествить с невежеством. Скорее, оно понимается как результат экономических, социальных и политических столкновений, продукт культурного и идеологического производства, изучаемый недавно возникшей новой научной дисциплиной – агнотологией (agnotology).

4. Когда биополитика потеснила «нормальную» политику, жизнь человека оказалась деполитизированной. За обывателем закрепился иллюзорный выбор в соответствии с принципом *tertium datur*. Модусами этого выбора стали, здесь мы следуем за известным американским экономистом, аналитиком потребления А. Хиршманом, лояльность, как пассивное ожидание нормализации ситуации (loyalty), «голос (voice) – протест, выраженный посредством легитимированных демократических процедур, и, наконец, выход из игры, отказ, исход (exit). Именно этот последний модус опирается на скрытый ресурс возможностей и напоминает о понятии «контр-поведения» (contre-conduite) у Фуко. Оно подразумевает противостояние правительности, генерирующей «фиктивную» нормальность, и призвано вернуть человека в привычное измерение политического. Но само политическое сохраняет черты ризомы и, поэтому, «действует вариацией, экспансией, завоеванием, захватом, прокалыванием» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари).

Это меняет фигуры, репрезентирующие сопротивление биополитике, которые по сути остаются деполитизированными. Трикстеру и безумцу Фуко наследует идиот (И. Стенгерс), сопротивляющийся консенсуальным способам представления ситуации и мобилизующий тем самым мысль и действие.

Он не включен в общие дискуссии в силу чего «олицетворяет некоторый промежуток (interstice) в общей коммуникации». Еще одна любопытная концептуальная фигура – паразит (М. Серр). Похоже, сегодня можно считать вирус её инвариантом. Он заставляет ситуацию измениться не за счёт собственной продуктивности, девиз паразита – брать не давая, а за счёт ухода и увёртки, позволяющих строить отношения «без основания» и консенсуса. Не должно выглядеть неожиданностью то, что указанные фигуры напоминают философа – праздно шатающегося паразита на теле общественности, дезертира нормальности, идиота, подключающегося к сфере политического через режим «невключённости» в неё. Это, однако, знаки изначальной политизации философии, которая, создав язык биополитики, наблюдает за тем, как познание и жизнь сталкиваются с собственными пределами. «Философия – это чрезвычайное положение в любом знании и любой дисциплине. И это чрезвычайное положение зовется истиной» Д. Агамбен). Поэтому предлагаемое ей, хоть и на самом новом языке, всегда оказывается *acheronta movebo* – неновым решением.

Смирнов Сергей Алевтинович

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, главный редактор гуманитарного альманаха «Человек.RU».

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

1. Я рассматриваю представленные вопросы как реперные точки для ориентации в нашем разговоре. Поэтому позволю себе отвечать не в формате последовательных ответов на вопросы, а в формате описания ситуации, в жанре ответа на рамочный вопрос – а что, собственно, со всеми нами происходит?

Мне важно удерживать эту рамку вопроса, поскольку, с моей точки зрения, просто так обсуждать только сам по себе философский дискурс не имеет смысла, если за ним не видеть реальных проблем, реальной ситуации человека, которая должна пониматься как ситуация «после Освенцима и ГУЛАГа». Такое понимание ситуации должно нас наталкивать на разговор весьма неллицеприятный и весьма ответственный.

Поэтому мне не совсем важно то, что говорили и писали до нас авторы типа М. Фуко или Дж. Агамбена или масштабом помельче. Тем более, задолго до М. Фуко проблему уже описали другие авторы. Тем более так называемые открытия биополитики в лице Фуко лишь кажутся открытиями, а на деле выступают переназыванием вещей, поиском нового имени для той же проблемы. Это всё равно что считать Э. Гуссерля первооткрывателем феноменологической проблемы, в то время, как она была известна ещё древним грекам и православным монахам-исихастам. На что указал его несостоявшийся ученик М. Хайдеггер. А М. Мамардашвили открывал феноменологию независимо от прочтения книг Гуссерля.

Это лишний раз говорит о том, что проблемы мы открываем не из книг. В прочитанных книгах вообще не может быть никаких проблем. Проблемы находятся в реальном, личном, причем, радикальном и пограничном опыте, переживаемом тем или иным человеком. А поэтому биополитика должна обсуждаться и пониматься как часть реального опыта тех, кто об этом говорит.

2. Ситуация после Освенцима и ГУЛАГа.

В своё время В. Шаламов сказал, что писать так, как Лев Толстой, после ГУЛАГа нельзя. Это безнравственно и преступно. Поэтому для него опыт романа Пастернака и Солженицына был крайне неудачным. Они оба потерпели фиаско. Так писать про лагерь с привычными представлениями о морали, правде, справедливости, добре и зле, о человеке – уже нельзя.

Это означает одну простую вещь. Мыслить и действовать после Лагеря, который случился в XX веке, так, как будто ничего не случилось – нельзя. Человек, этого не понимающий, либо серьезно ошибается, либо лукавит, держа фигу в кармане.

Поэтому рассуждать о Лагере так, как это делает Агамбен – безнравственно. Хотя для постмодерниста норма нравственности давно отсутствует. Даже если он говорит и пишет о лагере, демонстрируя своё возмущение, этот интеллектуал откровенно беспомощен. Более того, он констатирует, что концлагерь стал «номосом современности». Чрезвычайная ситуация стала нормой. Эти рассуждения у печей Освенцима ни к чему не ведут, они только показывают полную онтологическую дезориентацию автора, показывают его позицию наблюдателя-туриста, описывающего ситуацию человека. Его позиция ничем не отличается от позиции врача-эсэсовца, делающего опыты над людьми в концлагере. Он тоже пристально наблюдает, а что будет, если...

И мы также, наблюдающие за тем, кто и что там пишет. Наблюдаем за давно проведённым диагнозом относительно человека с его высшими задачами, поставленными перед ним уже давно – стать существом совершенным, способным общаться с Богом, похоронившим сначала Бога, потом самого себя, предпочитающего просто уйти с исторической сцены. Поскольку цифра, дающая ему всемогущество (разумеется, иллюзорное), толкает на то, что он предпочитает уйти, заменив себя умным киборгом, умной машиной, постчеловеком.

А весь биополитический дискурс только и предназначен для того, чтобы задним числом оправдать этот тренд ухода, тем самым все записные интеллектуалы, философы, учёные выступают в качестве поддакивающих, ангажированных экспертов, обосновывающих необходимость биополитики, то есть у-правления биомассой, населением, в котором человека уже и нет, а есть массовидное тело, податливое и соблазняющееся на умные гаджеты и цифру, которые якобы дают успокоение и спасение. То самое, долгожданное, обетованное.

3. Природа власти и сдвиг власти.

Разумеется, в этой ситуации тотального соблазна очень быстро меняется сама природа власти. Еще раз – сначала приключился соблазн, а уже потом стала меняться власть, смекнувшая, что вот оно, податливое население, им можно манипулировать через соблазн, не прибегая к насилию. Оно само отдастся.

И нам уже кажется (то есть населению, предпочитающему не мыслить и не быть, а получать удовольствие) власть кажется доступной. Уже не иерархией и вертикалью, а такой доступной горизонталью, с которой заключается некий якобы гражданский контракт: власть переходит от «распорядителя жизнью и смертью» (Фуко) к инвестору жизни. Возникает иллюзия правды этого сдвига: сдвига от классических фигур власти, прямого Господина, Вождя, Отца, Судьи, распоряжающихся чужой жизнью (индивида или рода) к косвенному Инвестору, Патрону, проявляющему заботу о чужой жизни. Такой сдвиг

воспринимается как радость обретения свободы. Мы забываем о лукавстве сдвига. От прямого господства мы переходим к косвенному, более изощрённому, манипулированию. Происходит замена прямой политической модели принуждения – непрямой, экономической, основанной на интересе и потребности жить как биос (биоид), получающий блага и удовольствия. Население хочет комфорта, того, чтобы о нём высоко технологизированная медицина (правда, не всем доступная!) заботилась. Нормальное ранее, человеческое, привычное для любой духовной традиции требование к каждому человеку: хочешь быть и стать – начинай мыслить и действовать от первого лица (хотя это рискованно и чревато), и тогда у тебя есть шанс стать собой, человеком, субъектом (про личность я молчу), – всё это заменяется стремлением к комфорту. А Благо заменяется благами.

Прямое принуждение заменяется косвенным манипулированием через экономическую и сугубо биологическую мотивацию. Педалируются сугубо биологические потребности. Власть перестаёт быть прямым распорядителем благ, услуг, сервисов, богатств (хочет – даёт, хочет – не даёт), она становится патроном, создающим условия (enabler), мягко подкладывая иную модель принуждения. Ты возьми, тебе можно – и ты будешь счастлив.

Инвестируя в население, заботясь о деторождении, росте населения, его здоровье и образовании и проч., власть увеличивает (капитализирует) человеческий ресурс, делает его более привлекательным и конкурентоспособным. Человек описывается в категориях человеческого ресурса, который может быть развит, его можно наращивать, а потом использовать (подороже продать!). Тем самым человек рассматривается в принципе как то, что может быть истрачено, использовано, что может дать новый ресурс, что может быть капитализировано. Либо люди – это дрова, сжигаемые в печи (простой истрачиваемый ресурс), либо это умное тело (машина с умными функциями), которое может быть усовершенствовано (enhancement, идея НБИКС проекта), и тем самым может дать новый капитал.

А коли так, то привычный человек, смертный, грешный, болеющий и ошибающийся, может быть заменён на умную машину, на постчеловека. А это брэнное существо можно потом выставлять в качестве экспоната в музее, в заповеднике, записывать в красную книгу как исчезающий вид. И мы получаем трансгуманизм, использующий биополитику на полную катушку.

4. Дисциплинарная матрица.

Разумеется, дело не в самих по себе умных технологиях, не в «научно-техническом прогрессе». Такая ситуация замены и ухода человека была подготовлена давно. Строго говоря, ещё со времён Адама (он уже согрешил, вкусив запретный плод).

Но институционально мир оказался готов, когда были выстроены дисциплинарные матрицы потребления человека, его использования как ресурса. И тогда Фуко описывает дисциплинарные структуры как модели институирования власти. Стало возможным распоряжение жизнью в дисциплинарных матрицах: школа, армия, тюрьма, клиника.

Например. От прямого господства в школьном классе и отказа от палочной дисциплины – к более коварной и скрытой форме власти: принуждение через когнитивную и социальную мотивацию. Включение человека в школь-

ный конвейер за счёт эксплуатации желания поступить в вуз и т.д., через ЕГЭ как форму заботы (якобы) о личности. Экзамен (тестовые системы в разных формах) как форма привязывания отдельного индивида к модернизированной дисциплинарной матрице. Прошедшее недавно увлечение десятков школ, направленное на отказ от гаджетов в школах, только подтверждает тренд. Это же абсурд! Заходят ученики в класс – и выкладывают свои мобилы в специальные ячейки. Оружие сдать! И только после этого учитель будет с тобой говорить. Учителя тут же и разделись, признав собственное бессилие.

Другой пример. В нашем столе участвуют магистры и преподаватели университета. Причем, элитного. Но наши вузы давно существуют как весьма изоциранные дисциплинарные структуры, использующие человека. А преподаватель и студент в них – не более, чем умные функции, производящие определённую работу с тем, чтобы эта машина (вуз) работала. А так называемые элитные университеты – ещё более изоциранные машины эксплуатации человеческого ресурса. Поэтому, пардон, если умная функция начинает говорить о биополитике, направленной на уничтожение человека (то есть использовании его как ресурса), то такая функция перестаёт быть функцией. Но тогда что прикажете делать? Тогда эту функцию либо заменяют на более податливую, либо эта функция пытается городить, строить свой полигон, где можно как-то все же начинать мыслить и действовать. Но это рискованно. Могут и отстрелять, поскольку белые вороны не летают.

5. Цифра как соблазн.

Попав в ситуацию «после Лагеря», человек пошёл дальше (хотя, казалось, дальше некуда). Он пошёл на тотальную оцифровку. У него возникла иллюзия, что в виртуальном мире человек имеет гораздо больше возможностей. Вместо реальных желаний он получает симулякры, но его уже это не волнует. Он ринулся в виртуал. Поскольку в виртуальном мире он – герой. Это в реальном социальном мире приходится страдать, нести ответственность, отвечать за себя и за другого, совершать поступки. А в виртуале этого делать не обязательно. Комфортность и благостность, создаваемые цифрой, создают иллюзию долгожданного обетования. Но вместе с виртуальным сдвигом-трендом мы тем самым получаем ценностный сдвиг. Все события и смыслы жизни у человека происходят там, в виртуале.

А в виртуале очень удобно совершать манипулирование, причем массовое, над миллионами. Мы имеем даже уже не массу, не население, а некое безликое виртуальное массовое тело-поле, среду, в которой нет не просто никаких иерархий и норм, полюсов, правого и левого, верха и низа, нормы и патологии. Мы имеем просто поле, где всё можно. Мы получили безграничное поле (разумеется, это тоже иллюзия) возможностей. Цифра из средства становится самоцелью. Цифровые технологии делают дисциплинарные матрицы умными и более невидимыми и тем самым более изоциранными.

Тем самым умные технологии становятся средством биополитики. Сюда включается и редактирование генома. Ради благих побуждений – возможно вторжение и манипулирование жизнью, данной от Бога. Рождается разного рода неоевгеника.

Но проблема, порождённая биополитикой, порождена самим автором – человеком. Почему человек предпочитает пойти на соблазн и перейти грани-

цу между нормой и патологией? Потому что, чтобы быть, нужно усилие. Усилие личное и ответственное. Но человек предпочитает быть в дисциплинарной матрице, в которой за него всё решается. Он согласен на уход в виртуал. Соблазн ухода сильнее силы быть, силы онтологического самоопределения (быть человеком).

6. Поиски ответа на онтологический вызов.

В качестве выхода Фуко предложил проект «практик себя». Агамбен и этого не сделал. Он только боялся, вдруг Освенцим вновь случится. Конечно, случится. В любой момент. И 1937 год тоже. Лагерь случится в одночасье. Потому что никакая теория, никакая концепция, никакая написанная книга сама по себе не спасают. Акт мышления, как и акт веры, как всякий поступок реальны в самом себе, в поступке. Вера реальна в акте веры. Как и мышление. Как акт духовной аскезы. Только он даёт шанс быть.

Дискурс Агамбена похож на интеллектуальные экзерсисы, за ними ничего не стоит. Не чувствуется поиска, боли за человека. Он выступает как диагност, стоящий у постели больного и разводящий руками: это мы лечить не умеем. Да и поздно. Позднък метаться.

В отличие от него Фуко пытался найти ответ. Поэтому он от анализа структур надзирать и наказывать пошёл дальше, ища ответ на вопрос – как нам всем себя вновь переначать. А поэтому он пришёл к проекту «практик себя». Но истоки проекта он искал пять же в прошлом, у римских стоиков. Этот проект был им не завершён. И он не разрешил проблемы. Человек, призванный переиначить себя и стать совершеннолетним, пройти новое собственное просвещение (как думал Фуко вслед за Кантом), предпочитает ныне быть обманутым властью с помощью цифры. Он предпочитает уйти в дурман виртуальной реальности. За этим стоит также новая форма биополитики – модель экономики впечатлений и соблазнов.

Поэтому проблема поиска ответа лежит глубже – она лежит не в сфере биополитических концептов и технологий. Она лежит в причинах действия глубинного, мощного тренда ухода, на который человек почему-то соблазняется, соглашается. Он всё же предпочитает не мыслить, не быть. А потому биополитика расцветает всем цветом. И здесь не важно – империя это или мировые сети приходят на смену национальных государств, иерархизированных вертикалей власти, или ещё что-то. Почва уже подготовлена – человеку нравится, чтобы им манипулировали и рассматривали как массовидное, податливое, соблазняющееся тело.

7. Коронавирус как триггер.

В этой ситуации готовности человека исчезнуть коронавирус сыграл роль джокера, путающего все карты. Он не входил ни в какие прогнозы и сценарии развития. Но он ворвался в мир и перепутал все прогнозы. Но проблема не в вирусе, а в нас самих, как всегда, в самом человеке: он не выдержал испытания. Люди либо подчинялись новым дисциплинарным формам контроля (режим самоизоляции ради их же блага), полагая, что нужно немного потерпеть, а потом снова ринемся прожигать жизнь. А власть предпочитала перебдеть, чем недобдеть. Либо население не подчинялось правилам (пир во время чумы). Обе стратегии – тупиковые и порочные.

Коронавирус создал хорошую ситуацию-тест, ситуацию испытания, проверки человека на вшивость. Полагаю, что человек её, к сожалению, как всегда, не прошёл. Понятно, почему. Он предпочитает, чтобы к нему так и относились – как к объекту манипуляций.

8. Антропологическая альтернатива.

Возможен ли ответ на онтологический вызов? Ответ должен быть не технологическим (это средство), а онтологическим (не как, а что значить быть). Цифра никуда не уйдет. Но это средство. Ответ надо искать не в изобретении нового средства, орудия биополитики, а в поиске способа быть. Поэтому Фуко искал способ быть. Но искал в прошлом. Агамбен искал способ странным образом, делая вывод, что не Город, а Лагерь теперь выступает парадигмой Запада.

Это либо лукавство, либо роковая ошибка, либо желание эпатировать публику. Поскольку Город есть место, в котором в своё время человек находил священное начало и центр (всякий город начинался с храмового места, и всякая дорога в городе всегда вела к Храму). Но европейскому интеллектуалу интересно впадать в крайности, эпатируя читающую публику – мы, мол, все теперь в Лагере. И то, что раньше было патологией, становится нормой.

Новоиспеченные эксперты А. Негри и М. Хардт также ничего не смогли предложить, идя вслед за трендами геополитики. По той простой причине, что в их дискурсе человек как сущее просто отсутствует. Там сплошные матрицы, институции, империи, сети. Человека как поступающего бытия там просто нет. Они не смогли сформулировать ответа. Они также выступают в роли диагностов.

Поэтому в поиске антропологической альтернативы, формулировки ответа на вызов нам нужен не отказ от умных технологий (как делают разные новые зеленые и традиционалисты – назад в деревню, на травку) и не подчинение им (соблазн ухода человека с исторической сцены, делегирование базовых функций умной машине), а изменение самого себя, переименование собственного способа жизни. Такая альтернатива остаётся актуальной и, с одной стороны, личной задачей каждого человека, с другой – задачей власти, если она стремится выжить. Эта задача не решается в рамках порождения новых концептов и существования дисциплинарных структур и умных технологий. Никакие теории, новомодные концепты (в том числе биополитика) не решают вопроса. Фуко это понимал. Проблема не в порождении новой теории. Проблема в онтологическом самоопределении человека, преодолении им самим собственного сценария отказа от жизни, преодолении им самим синдрома онтологического самоубийцы. Простой пример: если власть не хочет отказаться от ЕГЭ, значит она не хочет меняться, стремясь сохранить status quo, стремясь сохранить контроль над человеком, его ресурсом, дабы его и дальше использовать.

9. Роль философов.

Поэтому в наших разговорах о биополитике мы должны сами искать своё новое место в реальной политике (управлении жизнью общества, по Аристотелю). Философы, методологи, разные учёные мужи становятся, а многие давно уже стали советниками, консультантами при компаниях, при властных структурах, советуя, как более эффективно распорядиться человеческим ресурсом. Ф. Фукуяма делает доклады по заказу Rand Corporation. Методолог П. Щедровицкий и футуролог С. Переслегин консультируют Агентство стратегических инициатив, главную фабрику мысли у Администрации Президента РФ. Но все эти

консультации идут в рамках и в русле обоснования уже обозначенного тренда – тренда онтологического соблазна, толкающего человека на уход. А значит всё ещё только начинается. Нам ещё предстоит самих себя переначать, вновь ища ответы на вызовы, формулировать альтернативу уходу. Разумеется, если на это есть окаянная амбиция у самих философов. Если они не хотят быть умными функциями в больших мегамашинах. Как известно, за это окаянство наказывают.

А. Г. Погоняйло

Вместо заключения

Сергей Алевтинович полагает: «...биополитика должна обсуждаться и пониматься как часть реального опыта тех, кто об этом говорит». Потому что «проблемы находятся в реальном, личном, причем, радикальном и пограничном опыте, переживаемом тем или иным человеком», они не почерпываются «из книг». «Мыслить и действовать после Лагеря, который случился в XX веке, так, как будто ничего не случилось – нельзя. Человек, этого не понимающий, либо серьезно ошибается, либо лукавит, держа фигу в кармане. Поэтому рассуждать о Лагере так, как это делает Агамбен – безнравственно»... Его рассуждения показывают полную онтологическую дезориентацию автора, показывают его позицию наблюдателя-туриста, описывающего ситуацию человека. Его позиция ничем не отличается от позиции врача-эсэсовца, делающего опыты над людьми в концлагере. Он тоже пристально наблюдает, а что будет, если... И мы также, наблюдающие за тем, кто и что там пишет».

Что проблемы находятся в личном, реальном, причём радикальном и пограничном опыте, а не вычитываются из книг, тем более философских, это правда; потому и позиция «философа» сама по себе сомнительна: слишком много он на себя берёт. «Турусы на колесах» получаются, и это в лучшем случае. При этом пограничный опыт – у кого он был – не такой, чтобы о нём распространяться.

Однако, не с него ли – с лично переживаемого радикального, пограничного опыта – всё, т. е. всякий опыт, и начинается? Как его пережил, таким и стал. Загнал глубоко и живёшь с этим. Но помнишь и знаешь, что и другой – такой же, и нельзя делать из него подопытного.

«Нельзя мыслить и действовать, как будто ничего не случилось». А как надо? Никто не скажет, ни один философ, – и не надо. Мыслить надо САМОМУ. Мысль, конечно, если она – мысль, самостоятельна, сто́ит сама и ходит сама, когда приходит в голову, а если нет, если валится, так её и нет, и говорить не о чем.

Биополитика – это диагноз. В этом смысле вещь вполне позитивная. Надо отдавать себе отчёт в собственных обстоятельствах, т. е., это тот же самый опыт себя, который всегда – опыт обстоятельств, того, что обстоит и как обстоит. И тут есть, чего почерпнуть из написанного на эту тему.

У Агамбена всякая политика – биополитическая, он сделал из неё философию, капитальную теорию антропогенеза в смысле становления человека человеком не только когда-то, но и сейчас, и всегда, и в любом возрасте. Этим он лишил свою концепцию позитивности, свойственной лекциям Фуко, где дан именно конкретный анализ биополитической ситуации. Ведь если биополитика – наш удел, то что с этим сделаешь?...